

Мастер семейного детектива

СЬЮЗЕН ЛЬЮИС

Тайная жизнь Софи

Москва

2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Л91

Susan Lewis
BEHIND CLOSED DOORS

Copyright © Susan Lewis, 2014
First published as Behind Closed Doors by Century,
an imprint of Cornerstone Publishing,
a Penguin Random House Company
The Author has asserted her right to be identified
as the author of the Work

Фото автора © Photo by Colin Thomas

Перевод с английского *К. Савельева*

Художественное оформление *С. Прохоровой*

Льюис, Сьюзен.
Л91 Тайная жизнь Софи / Сьюзен Льюис ; [пер. с
англ. К. А. Савельева]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 384 с. — (Сьюзен Льюис. Мастер се-
мейного детектива).

ISBN 978-5-699-93576-5

Андреа Лоуренс берется за расследование загадочного исчезновения четырнадцатилетней Софи из отчего дома. Улики указывают на то, что после ссоры с родителями она сбежала из города с неизвестным юношей, но у Андреа иное мнение. В ее собственном прошлом имеется неприглядная тайна, и она слишком уж похожа на историю Софи. Андреа решает этим воспользоваться, чтобы разыскать девушку, но ни одно из ее предположений не сравнится с тем, что произошло на самом деле.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-93576-5
© Савельев К., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Джиму, с любовью

— Куда ты собралась?
— *На улицу.* Хорошо?
— Нет, пока ты не уберешься на столе, и еще много чего нужно сделать.

— Я не твоя чертова рабыня.
— Не говори со мной таким тоном и прекрати все время спорить. Тарелки вот надо помыть...

— Жди больше!

Обычно мягкие карие глаза Хейди Монро гневно сверкнули, несмотря на усталость, а ее бледно-розовые щеки, обрамленные растрепанными выющимися локонами темных волос, вспыхнули.

— Софи, на сегодня с меня уже достаточно твоих выходок. — Она вздохнула. — Я совершенно разбита, у меня болит голова, и Арчи может проснуться в любую минуту...

— Ну и что? Ты сама решила родить ребенка, вот и ухаживай за ним.

— Конечно, я буду ухаживать за ним, но без твоей помощи мне не обойтись. Скоро вечер, а у меня дел невпроворот...

— Ради бога, сегодня же воскресенье! Нормальные люди по воскресеньям отдыхают, но только не ты. И я тоже не отдыхаю, а все благодаря тебе и

этому проклятому дому. Не я же взвалила на себя столько работы, поэтому не понимаю, почему я тоже должна вкалывать...

— Большинство девушек твоего возраста совсем не прочь зарабатывать на карманные расходы. Разве тебе не повезло? А ты только вечно огрызаешься!

— Господи, мне же *четырнадцать* лет! Мне хочется нормально жить...

— Судя по всему, ты живешь более чем нормально, и ты понимаешь, что я имею в виду. Разве ты не знаешь, что о тебе говорят люди?

— Мне наплевать, что они говорят. Эта кучка жалких неудачников.

— Не думаю, что это так, Софи. И если твой отец когда-нибудь узнает...

— Заткнись! Просто заткнись. — Миловидное, но искаженное яростью лицо Софи казалось ярко-красным пятном в ореоле светлых мелированных волос с фиолетовыми прядями; ее лавандово-голубые глаза потемнели от гнева и смятения. Ничего, *ничего* в ее жизни не получалось правильно, и это было просто несправедливо.

— Перестань кричать, а то разбудишь Арчи.

— Это ты кричишь, и мне наплевать, если он проснется. Я хочу прогуляться.

— Нет, ты не...

— Ради всего святого, я работала весь день и заслужила небольшой отдых.

— Вот разберешься на столе и наведешь порядок в углу спальни, тогда и пойдешь.

— Я сейчас пойду!

— Софи, вернись.

— Я же сказала, что уйду *прямо сейчас*.

Они стояли, глядя друг на друга; месяцы ожесточения и взаимного непонимания тикали между

ними, словно бомба с часовым механизмом. Они как будто перестали узнавать друг друга и бросали вызов чудовищам, поселившимся в каждой из них: нанести первый удар или отступить?

Губы Софи дрожали, когда она сверлила взглядом Хейди.

— Ты не можешь заставить меня делать то, чего я не хочу, — сердито выдохнула она.

— Хочешь, чтобы я рассказала твоему отцу, как ты разговариваешь со мной?

— Рассказывай что хочешь, ему все равно дела нет.

— Ты же знаешь, что это неправда.

— О господи! — раздраженно выпалила Софи, когда годовалый Арчи начал кричать. — Я сию же минуту убираюсь отсюда.

Но когда она распахнула дверь кухни, то едва не столкнулась со своим отцом.

— Что здесь происходит? — грозно спросил Гэвин Монро. — Я услышал вас издалека...

— Это не я, а она! — выкрикнула Софи. — Она снова придирается ко мне. Пилит, пилит и пилит... — Она развернулась к Хейди, словно провоцируя ее. — Почему бы тебе не пойти и не заткнуть рот этому тупому младенцу?

— Софи! — рявкнул отец, ошеломленный и рассерженный одновременно.

Но дочь не слушала его; она уже убегала по коридору.

— Если ты сейчас уйдешь, то можешь не возвращаться, — крикнула Хейди ей вслед.

— Спасибо, я поняла, что ты хочешь, чтобы я покончила с собой! — в ответ крикнула Софи. Ворвавшись в свою спальню, она захлопнула дверь с такой силой, что со стены упал плакат.

Она ненавидела их! На самом деле ненавидела, и теперь пусть помучаются, если она и впрямь уйдет из дома или, еще лучше, покончит с собой. Да-да, она вполне могла это сделать, — по крайней мере, тогда она наконец вырвется отсюда, и ей больше не придется мириться с их присутствием. Почему они всегда так подло обходятся с ней, заставляют ее чувствовать себя глупой или бесполезной, словно ненужная вещь, которая все время попадает под ноги?

Схватив свой iPod, она подключила его к динамику и включила звук на полную мощность. Ей не хотелось, чтобы они слышали ее рыдания, чтобы они радовались тому, что им наконец удалось достать ее, хотя именно так и было на самом деле, потому что она едва могла вздохнуть.

Рухнув на кровать, Софи взяла старую тряпичную куклу и крепко прижала ее к груди. Иногда ей казалось, что эта кукла осталась ее единственным другом на этом свете. Девочка хранила ее с детских лет и никогда, *никогда* не собиралась отказываться от нее. Это был мамин подарок, и еще долгое время после ее смерти Софи плакала, уткнувшись в соломенные кукольные волосы, уверенная в том, что по-прежнему может почувствовать запах маминых духов, а иногда даже услышать ее голос.

— Все в порядке, милая, — шептала ее мама. — Я по-прежнему здесь. Ты просто не можешь увидеть меня, вот и все.

— Я хочу, чтобы ты вернулась, — рыдала десятилетняя Софи.

— Знаю, моя хорошая, и я бы вернулась, если бы могла, но ты большая и храбрая девочка...

— Нет, я не храбрая. Пожалуйста, мама, я хочу быть с тобой!

— Но как папа обойдется без тебя? Ему будет так одиноко, а ты знаешь, как сильно он тебя любит.

Она была уверена, что раньше отец любил ее, но сейчас он гораздо больше интересовался маленьким Арчи. Как и Хейди. Все вращалось вокруг Арчи, и, по правде говоря, Софи тоже хотелось любить его, потому что это ужасно — ненавидеть младенца. Беда была в том, что он только плакал, ел и обдελывал пеленки. Он никогда не смеялся, как другие младенцы, не корчил забавные рожицы и даже выглядел как-то странно, хотя она никому не говорила об этом. Ей не хотелось признаваться в этом даже самой себе, так это было плохо. Но одно было несомненно: она ему не нравилась. Если она проходила мимо малыша, он начинал верещать на всю катушку, и от этого ей тоже хотелось выть.

Но самое неприятное заключалось в том, что до рождения Арчи они с Хейди, можно сказать, были лучшими подругами. Конечно, это нельзя было сравнить с отношениями с мамой, но они с Хейди вместе ходили в разные места, укладывали друг другу волосы и упражнялись в искусстве макияжа. Софи даже не возражала, когда отец сказал, что собирается жениться на Хейди, поскольку было определено лучше иметь в доме Хейди, чем лежать по ночам в своей спальне, слушать отцовский плач и не представлять, как его можно утешить. С появлением Хейди все изменилось. Она умела его рассмешить, и отцу вдруг снова захотелось заниматься делами. Иногда он шутил говорил, что это все равно что иметь двух дочерей вместо одной, потому что Хейди лишь недавно исполнилось тридцать, и она была на шестнадцать лет моложе его, но она никогда не казалась взрослой. Зато теперь, после рождения Арчи, она сильно изменилась, постоянно выбивалась из сил, отстранилась

от Софи, и это заставляло девушку снова тосковать по матери.

Если бы только она снова могла оказаться вместе с мамой и папой, когда они жили в Девоне и пели в летних кемпингах, на детских вечеринках и в церкви! Она до сих пор училась дома, хотя мать всегда говорила, что ей нужно ходить в нормальную школу. После одиннадцати лет так и случилось, но, пожалуй, лучше бы она по-прежнему училась дома.

Мысль о школе наполнила ее другими болезненными воспоминаниями, от которых сжималось сердце. Меньше чем через три недели летние каникулы закончатся, и ей снова придется встретиться с этими ужасными девчонками. Они вечно приставали к ней, обзывали ее, дергали за волосы и даже пинали, когда она проходила мимо. В конце прошлого учебного года они стали рассказывать, что у нее какая-то венерическая болезнь, поэтому от нее лучше держаться подальше. Казалось, все им поверили, потому что Софи оказалась почти в полной изоляции, и только Эстелла продолжала с ней дружить.

— Они просто завидуют, потому что не такие красивые, как ты, — настаивала Эстелла. — И мальчикам ты больше нравишься.

Софи не считала себя красивее других, а что касается мальчиков...

Теперь слезы еще быстрее струились по ее лицу. Ее не волновали мальчики, школа или что-либо другое; сейчас она могла думать лишь о том, как несправедливо, что у нее больше нет матери, когда у всех остальных они были. Из-за этого она чувствовала себя какой-то уродкой, ей жить не хотелось. Хотя она знала, что это полная чушь, но чувствовала себя именно так.

— Ты должна быть храброй, моя милая, — прошептала мать в тот день, когда она сказала Софи,

что долго не продержится. — Знаю, сначала будет нелегко, но ты уже большая девочка, и папе понадобится твоя помощь.

— Но я не хочу, чтобы ты уходила. — Софи расплакалась. — Пожалуйста, пожалуйста, не уходи!

— Любимая, я обещаю, что осталась бы подольше, если бы могла, хотя бы ради тебя, но врачи больше ничем не могут мне помочь.

— Что, если мы помолимся вместе?

— Мы уже молились, дорогая, но, боюсь, это уже не поможет. Поэтому вот что мы с тобой сделаем: мы начнем записывать в этом дневнике наши воспоминания, а когда меня не станет, ты сможешь добавлять туда все, что захочешь, — слова, цветы, открытки, фотографии, локоны волос, мечты и желания. И ты будешь чувствовать, что мы по-прежнему вместе.

Сейчас книга лежала рядом с кроватью Софи, но было не похоже, что они с матерью делятся своими чувствами. Хотя девочка продолжала вклеивать туда разные мелочи и записывать свои мысли и впечатления, делая вид, что разговаривает с мамой. Но она-то прекрасно понимала, что теперь она осталась одна, маме как будто не было больше до нее никакого дела.

Внезапно соскочив с кровати, Софи приподняла матрас и сунула дневник внутрь, словно хоронила его, как и свою мать. Она больше не хотела видеть эту тетрадь. Ей показалось глупостью и ребячеством продолжать делать записи, словно она до сих пор верит в Деда Мороза или зубную фею. Теперь она стала взрослой и хорошо понимала, что когда люди умирают, то уходят навсегда. Ее мать не вернется, а отец больше не интересуется ею, поэтому она с таким же успехом может быть мертвой.

Она взяла мобильный телефон, включила музыку еще громче и пошла открыть окно. Солоноватый запах теплого моря, мигающие огни парка аттракционов на другой стороне улицы и какофония криков и смеха, волнами доносившаяся от каруселей, захлестнули ее. Поскольку они жили в бунгало на окраине кемпинга со стоянкой для трейлеров, выскользнуть наружу не составляло труда: ей стоило лишь забраться на подоконник и спрыгнуть на траву.

Через несколько минут Софи бежала между фургонами, направляясь на пляж. Она точно не знала, как долго там пробудет и придет ли отец ее искать. Обычно он рано или поздно делал это, но сегодня вечером собирался уехать, так что, скорее всего, не станет тратить время на ее поиски. Он просто постучит в дверь ее спальни по пути на улицу, крикнет что-нибудь ободряющее, а когда она не ответит, то решит, что она сидит внутри и дуется на весь мир.

«Позвони мне, когда будешь в лучшем настроении», — скажет он, или что-то еще в этом роде, а потом уйдет. Он не догадается, что ее уже нет дома. Никто не узнает до утра, а тогда...

— Эй, Софи, что ты здесь делаешь?

Ее сердце неожиданно возликовало. Неужели это?.. Должно быть, так. Она была уверена, что узнала голос.

Софи быстро обернулась и расплылась в улыбке. В конце концов Бог оказался на ее стороне. Он собирался устроить все именно так, как ей хотелось...

Глава 1

В какой-то момент своей жизни Андреа Лоуренс сделала неправильный выбор. Она уже давно знала об этом — невозможно было не знать, когда понимание этой ошибки сопровождало ее, словно тень, или появлялось из ниоткуда, подобно зловещему напоминанию. Порой она даже не узнавала себя, когда смотрелась в зеркало, и задавалась вопросом: а что она, собственно, делает в этом серьезном расследовании? Но назад уже было повернуть невозможно. Она могла лишь следовать по выбранному пути, не задаваясь подобными вопросами, и надеяться на то, что в конце концов все будет хорошо.

Но разве это возможно, когда практически все безнадежно испорчено? Она не вполне владела собой и даже принимала решения, с которыми сама не была согласна, но гордость — да, ей приходилось признать это, — *гордость* каждый раз мешала ей повернуть назад. Профессионализм тоже играл определенную роль, так как Энди неплохо справлялась со своей работой, и некоторые даже утверждали, что она была рождена для этого, но сама она понимала, что это неправда.

Такие мысли кружились в ее голове, когда кто-то нерешительно спросил: